

Синанов Борис Андреевич

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена вопросам духовного образования в условиях полиэтничного и поликонфессионального Северо-Кавказского региона. С учетом исторического развития и современных реалий Северного Кавказа автор рассматривает духовное образование как важнейший инструмент профилактики межэтнической и межконфессиональной напряженности в регионе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 168-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 210(470.6)

Статья посвящена вопросам духовного образования в условиях полиэтничного и поликонфессионального Северо-Кавказского региона. С учетом исторического развития и современных реалий Северного Кавказа автор рассматривает духовное образование как важнейший инструмент профилактики межэтнической и межконфессиональной напряженности в регионе.

Ключевые слова и фразы: духовное образование; Северный Кавказ; полиэтничность; поликонфессиональность; религиозный фактор.

Борис Андреевич Синанов, к.и.н.

Отдел истории

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований

им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания

boris-sinanov@yandex.ru

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ[©]

С сентября 2012 г. во всех субъектах Российской Федерации вводится обязательный для изучения в четвертом классе комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (далее – ОРКСЭ). Комплексный учебный курс ОРКСЭ включает в себя шесть модулей (предметов): основы православной, исламской, буддийской, иудейской культур, историю мировых религиозных культур и основы светской этики. Право выбора одного из представленных модулей остается за учениками и их родителями.

Что касается дальнейшего изучения курса духовно-нравственных основ, то в новых стандартах основной школы его планируется продолжить. Вопрос – как двигаться дальше – сейчас активно обсуждается на всех уровнях. В условиях Северного Кавказа проблема становления и развития духовного образования встает наиболее остро.

Северо-Кавказский регион – уникальная историко-культурная и географическая область на юге России, в этническом и конфессиональном плане представляющая собой пеструю палитру народов и верований, не просто сконцентрированных на ограниченной территории, но и перемешанных в результате многовекового исторического развития. В этнолингвистическом плане Северный Кавказ представлен народами трех крупных языковых семей: иберо-кавказской, индоевропейской и алтайской. К иберо-кавказской языковой семье относятся народы абхазо-адыгской группы: абазинцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы; нахо-дагестанской группы: ингуши, чеченцы, аварцы, лезгины, даргинцы, кубачинцы; картвельской группы: грузины. К индоевропейской языковой семье относятся народы иранской группы: осетины, таты; славянской группы: русские (субэтносы: терские казаки, кубанские казаки); армянской группы: армяне; греческой группы: греки. Алтайская языковая семья представлена тюркской группой: кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы. В представленной этнической картине Северного Кавказа мы упомянули лишь наиболее многочисленные, населяющие регион народы.

Следует помнить, что этнический колорит на Северном Кавказе усиливают многочисленные, веками живущие на этой земле национальные диаспоры. Наиболее многочисленны из них армяне, грузины, азербайджанцы, греки, украинцы, белорусы, евреи и немцы (численность последних до депортации в сентябре 1941 г. только в Северной Осетии составляла около 3000 человек). Этнические диаспоры разбросаны по всему региону, дополняя чересполосицу населения. В отличие от украинцев, белорусов, евреев и немцев, живущих в основном в городах и не имеющих мест компактного поселения, армяне, грузины, азербайджанцы и греки расселены как в городской местности, так и компактными поселениями (например, грузины в Северной Осетии проживают как в столице республики, так и компактно в селах по Военно-грузинской дороге – Балта, Чми, Нижний Ларс).

Важно также учитывать, что национальные и демографические процессы на Северном Кавказе, связанные с перемещением народов внутри региона и усложнением этнической картины, а подчас, наоборот – упрощением – созданием мононациональных образований, не остались достоянием далекого прошлого. Напротив, на рубеже XX–XXI вв. наблюдаются интенсивные этнодемографические процессы, в которых еще в 1960–1970 гг. наметились две противоположные тенденции. Первая из них состоит в сокращении доли «нетитульного» населения в пределах большинства национально-государственных образований и возрастании этнической однородности этих территорий. Данная тенденция связана не только с различием показателей естественного прироста между титульными группами с одной стороны и русскими с другой (а именно русские составляют большинство нетитульного населения автономий/республик). Ее также питают явно обозначившиеся различия в миграционных направлениях и этническом составе мигрантов. Противоположная первой этнодемографическая тенденция связана с усложнением этнической композиции в пределах нетитульных/русских территорий (главным образом за счет хозяйственно-миграционного притока этнических меньшинств), а также в некоторых субрегионах национально-государственных образований [11, с. 100].

К сожалению, решающим фактором в кардинальной реконструкции этнического состава населения многих субрегионов всего Кавказа являются вооруженные конфликты. Разрушение единого советского

пространства, эскалация целой цепи вооруженных конфликтов (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Северная Осетия/Ингушетия, Чечня) становятся факторами массовых вынужденных миграций, охватывающих значительные пространства Кавказа [Там же].

Сложную этническую картину региона дополняет не менее сложная религиозная. Северный Кавказ – поликонфессиональный регион, в нем присутствуют все мировые религии, но доминируют ислам и христианство. Трудно переоценить ту роль, которую веками играла и играет религия в жизни народов Северного Кавказа. Анализируя конфессиональные отношения в конце XIX в., политолог и философ А. А. Цуциев особо отмечает, что на Кавказе «религиозные идентичности зачастую преобладают над племенными и, являясь более «политически» звучными, нередко оказывают и более серьезное влияние на динамику политических процессов в регионе» [Там же, с. 41]. Эта оценка актуальна и в наши дни.

И христианство, и ислам проникают на Северный Кавказ практически сразу после своего зарождения. Первая встреча алан Северного Кавказа с христианством связана с посещением этой страны св. апостолом Андреем Первозванным I в н.э. О раннем знакомстве алан с христианством говорит также рассказ из «Мученичества Воскеянов» и «Мученичества Сукиасянов» о мученической смерти крещенных алан от руки их соотечественников (V в.). Массовое распространение христианства в Алании приходится на начало X в. [2, с. 46-47]. На сегодняшний день православное христианство исповедуют русские, украинцы, белорусы (Краснодарский и Ставропольский края, русское население национальных республик), большинство осетин (Республика Северная Осетия-Алания), а также грузинская и греческая диаспоры. К Армянской апостольской церкви принадлежит большинство представителей армянской диаспоры, проживающей практически во всех субъектах Северного Кавказа.

В свою очередь появление ислама на Северном Кавказе связано с арабским завоеванием Дагестана в VIII в. С установлением политического господства Золотой Орды, особенно при хане Узбеке в первой половине XIV в., начинается более активная исламизация Северного Кавказа. В наши дни ислам суннитского толка является практически абсолютной религиозной доминантой в Дагестане, Чеченской Республике и Ингушетии. Его исповедует большинство населения Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Республики Адыгея.

Иудаизм на Северном Кавказе представлен горскими евреями, проживающими на востоке региона, по меньшей мере, уже полторы тысячи лет, а также европейскими евреями, переселившимися сюда в основном в XIX в.

Особенность современной конфессиональной ситуации на Северном Кавказе состоит в том, что мировые религии представлены здесь не только в своих традиционных формах (православное христианство; ислам суннитского и, в меньшей степени, шиитского толка), но и различными неопротестантскими деноминациями (свидетели Иеговы, пятидесятники и т.д.) и радикальными течениями (ваххабизм). Кроме того, в некоторых регионах под видом возрождения дохристианских верований в последние годы происходит институционализация неоязыческих культов, лидеры которых в своих публикациях бросают резкие, а подчас и кощунственные выпады в сторону представителей традиционных конфессий (вот лишь несколько неполных цитат из «произведений» идеологов новых учений: «христианство – религия рабов и рабовладельцев...», «христианство – религия плебеев и дегенератов...», «трупный запах христианских благополучий благополучно достиг Осетии» и т.п.) [8]. Подобная ситуация сложилась всего лишь за два десятилетия, прошедшие после распада Советского Союза. Разрыв с религиозной традицией и религиозными знаниями в сочетании с комплексом социально-экономических и политических проблем вызвали к жизни антисоциальные и экстремистские религиозные движения. Однако такому положению вещей предшествовал 70-летний период целенаправленной политики по вытеснению религии из всех сфер жизни общества и прежде всего из сферы образования.

До революции 1917 г. на Северном Кавказе существовала многогранная система школьного образования, отвечающая конфессиональным и этническим потребностям местного населения. В пределах Терской области к началу XX века насчитывалось 165 церковноприходских школ различного уровня и 176 светских училищ разных наименований [1, с. 294]. Кроме того, действовали религиозные мусульманские школы, школы при еврейских синагогах и прочие. Преподавание «Закона Божьего» в светских учебных заведениях являлось обязательным.

Традиции духовного образования были в одночасье прерваны событиями октября 1917 г. 23 января 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», на страницах которого было законодательно закреплено отделение Церкви от государства и школы от церкви. Через полгода данный законодательный акт получил развитие в пределах Терской области, где 18 июня декретом Областного народного совета дела воспитания и образования были переданы из Духовного ведомства в ведение Народного комиссариата просвещения, а на следующий день, 19 июля, было упразднено преподавание «Закона Божьего всех исповеданий в школах всех ступеней» [6, с. 53, 57]. Однако в годы Гражданской войны на территориях, занятых белыми войсками, преподавание «Закона Божьего» возобновляется. Окончательно вопрос о преподавании этого предмета будет решен с установлением советской власти на Северном Кавказе в марте 1920 г. Весной-летом этого года выйдет серия законодательных актов, упраздняющих религиозные дисциплины и проводящих в жизнь Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [9, с. 317, 320, 345].

Трудно не согласиться с мнением профессора А. Н. Кашеварова, отмечавшего, что в начале 1920-х гг. «из всех конфессий России гонениям подвергалась в основном Православная Церковь, под предлогом того, что она, якобы, является реакционным и контрреволюционным наследием царизма» [5, с. 123-124]. Так, например, в апреле 1920 г. В. И. Ленин в телеграмме к члену РВС Кавфронта Г. К. Орджоникидзе подчеркивал: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам,

особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и при том самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономии, независимости и прочее» [9, с. 44]. В области образования в горско-мусульманских центрах временно допускалось преподавание религиозных вероучений в школах, так как «обучение грамоте арабской ведется по Корану и через религиозные вероучения» [Там же, с. 346]. Мусульманские религиозные школы на Северном Кавказе продолжали существовать в первое десятилетие советской власти, но центр, концентрируя в своих руках силовые рычаги, предпринимал мощные акции, подрывая и организационную, и кадровую, и финансовую основы мусульманской системы образования [7, с. 38]. Вполне очевидно, что такие симпатии к мусульманскому населению в этот период были лишь умелым тактическим ходом большевиков по привлечению на свою сторону определенной части населения. Стратегия была иной – полная ликвидация любой религии как таковой. На рубеже 1920-1930-х гг. последователи ислама будут подвергаться не меньшим преследованиям и репрессиям, чем представители других вероисповеданий.

Для новой власти главным было не только убрать религиозную составляющую из учебного процесса, но и, выражаясь современным языком, отформатировать сознание людей и прежде всего сознание молодежи. С первых дней прихода к власти лидеры советского государства придавали особое значение молодежи как объекту и субъекту осуществления государственной политики в отношении религии. Именно на эту категорию населения делалась основная ставка в процессе социалистических преобразований в стране. Северный Кавказ в этом отношении не был исключением: «Партия в своей работе по привлечению к общей революционной жизни казачье-крестьянско-горской массы будет и может строиться главным образом на молодежи... Единственным элементом, способным быстро усвоить идеи компартии и советской власти, может быть только и только молодежь» [4].

Таким образом, в первые послереволюционные десятилетия в атмосфере тотального контроля со стороны государственных и партийных организаций осуществлялась целенаправленная политика формирования новой культуры молодого поколения советских граждан, отдельное место в процессе которой отводилось антирелигиозному воспитанию [10, с. 114-119].

Семена антирелигиозного образования и воспитания, посеянные в первые годы советской власти, взращивались на протяжении всех последующих десятилетий, и к моменту крушения атеистического государства плодом прерванной духовной традиции явились практически полная религиозная неграмотность и отсутствие четких духовных ориентиров подавляющего большинства населения страны.

В условиях северокавказского общества, где религия, как мы выяснили, играла и играет значительную роль в социально-политических процессах, на сегодняшний день уровень знаний верующими основных религиозных текстов, истории и догматов своей конфессии остается на крайне низком уровне. Социологические исследования показывают, что, несмотря на относительно высокую религиозность населения Чеченской Республики (основные религиозные обряды здесь соблюдает 71,4% чеченцев), «никогда не читали» Коран 34,6% чеченцев, каждый третий респондент из числа кабардинцев, балкарцев КБР также не знаком с Кораном. Сравнительно высок этот процент у ингушей (22,5%), учитывая, что в Республике Ингушетия каждый второй респондент соблюдает основные религиозные обряды. Также высок процент респондентов, не читающих священные книги, в Республике Дагестан: никогда не читали Библию (Коран) 26,7% представителей народов Дагестана и 22,1% русских и русскоязычных. В других республиках процент респондентов, не знакомых со Священным Писанием, распределен следующим образом: РСО-А (24,3% осетин, 18,6% русских и русскоязычных), Республика Адыгея (23,8 % адыгейцев, 23% русских и русскоязычных), КЧР (17,6% карачаевцев и черкесов, 22,1% русских и русскоязычных). Что же касается процента верующих, «регулярно читающих» Священные Писания, то он во всех перечисленных республиках крайне низок и лишь в Ингушетии и Чечне достигает 12,6% и 11,5% соответственно [3, с. 32-34].

Таким образом, при все возрастающей роли религиозного фактора в общественно-политической сфере жизни северокавказского социума повышение интеллектуального уровня последователей традиционных для России конфессий становится актуальнейшей задачей, от правильности решения которой зависит межэтническая и межконфессиональная стабильность в регионе. На современном этапе в условиях отделенности церкви от государства мы имеем унифицированную и стандартизированную систему образования постсоветского периода, которая, к тому же, переходит на западную модель образования – бакалавриат, магистратура, тестовая основа контроля знаний и всего процесса образования и пр. При этом в условиях полиэтничного и поликонфессионального региона приоритет духовного и нравственного начал в образовании является очевидным. Намотившийся в последние годы диалог специалистов в области образования и представителей традиционных конфессий необходимо продолжить с целью выработки гармоничной модели духовного образования с учетом региональной специфики и внутренней политики государства.

В заключение следует отметить, что при дальнейшей разработке курса духовно-нравственных основ и его практического применения в условиях поликонфессионального Северо-Кавказского региона в первую очередь следует учитывать следующие факторы:

1. При углубленном изучении одного из шести модулей ОРКСЭ учащиеся также должны получать знания и о других традиционных конфессиях, представленных в регионе.
2. От региональных вузовских структур зависит разработка учебно-методологической базы с учетом этнокультурных, исторических, геополитических особенностей и общенациональных задач.
3. В ближайшем будущем крайне остро будет стоять проблема подготовки квалифицированных педагогических кадров преподавателей религиозоведческих дисциплин. Для решения этого вопроса необходимо тесное взаимодействие светских и духовных учебных заведений.

От того насколько грамотно будет решена проблема религиозного образования, без преувеличения зависит будущее Кавказа.

Список литературы

1. **Беляев Иоанн, протоиерей.** Русские миссии на окраинах: историко-этнографический очерк. (Исторический очерк распространения и восстановления христианства среди осетин). Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821-1890): историко-биографический очерк жизни и деятельности «апостола Осетии» и первого архипастыря Владикавказской епархии (составил священник Иоанн Попов) / сост., ред. А. А. Горобец. Владикавказ: Олимп, 2008. 416 с.
2. **Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В.** Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России: проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.
3. **Дзуцев Х. В.** Религиозные и межнациональные установки населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ: монография: в 5-ти кн. М.: ИСПИ РАН, 2010. Кн. 4. 283 с.
4. **Жизнь национальностей.** 1921. 20 февраля.
5. **Кашеваров А. Н.** Православная Российская Церковь и советское государство (1917-1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. 440 с.
6. **Культурное строительство в Северной Осетии:** сб. док. и материалов / сост. Л. Д. Бирюкова, С. Д. Кулов и др. Орджоникидзе: Ир, 1974. Т. 1. 546 с.
7. **Мамсиров Х. Б.** Советская власть и мусульманская система образования в 20-е гг. XX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 2. С. 32-39.
8. **Моргоев Х.** Правдивое слово против христиан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.assdin.ru/articles/30-pravdivoe-slovo-protiv-hristian.html> (дата обращения: 05.01.2012).
9. **Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение советской власти (октябрь 1919 г. – август 1920 г.):** сб. док. и материалов / сост. О. А. Кобахидзе. Сухуми: Алашара, 1971. 432 с.
10. **Синанов Б. А.** Некоторые аспекты антирелигиозного воспитания молодежи Северной Осетии в 1920-1930 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 9. С. 114-119.
11. **Цуцнев А. А.** Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2007. 128 с.

**SPIRITUAL EDUCATION IN POLY-CONFESSIONAL NORTH CAUCASUS REGION:
HISTORY AND PROSPECTS****Boris Andreevich Sinanov**, Ph. D. in History*Department of History**North Ossetia Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev**of Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia - Alaniya*
boris-sinanov@yandex.ru

The author discusses the questions of spiritual education under the conditions of poly-ethnic and poly-confessional North Caucasus region, and taking into account the historical development and contemporary realities of North Caucasus considers spiritual education as the most essential tool for the prevention of ethnic and sectarian tension within the region.

Key words and phrases: spiritual education; North Caucasus; poly-ethnicity; poly-confessionality; religious factor.

УДК 7

Статья посвящена практически забытому в современном искусствознании крымскому художнику – М. П. Латри, внуку блистательного мариниста И. К. Айвазовского. Особое внимание уделяется дореволюционному периоду творчества Латри – обучению в Российской академии художеств и в Мюнхене, выставочной деятельности, работе в Крыму. Именно этот этап эволюции художника относит его к Киммерийской школе живописи вместе с К. Ф. Богаевским и М. А. Волошиным.

Ключевые слова и фразы: страна Киммерия; Киммерийская школа живописи; русское искусство рубежа XIX-XX веков; немецкая школа живописи; Мюнхенский сецессион; «Салоны Издебского».

Анастасия Сергеевна Сиренко*Кафедра теории и истории искусств**Московский академический художественный институт им. В. И. Сурикова**nastjusha@land.ru***ЛАТРИ МИХАИЛ ПЕЛОПИДОВИЧ – ХУДОЖНИК КИММЕРИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ**[©]

Михаил Латри работал на рубеже XIX-XX веков в Крыму в преддверии Первой мировой войны и революции в России. Это время кардинальных политических изменений, эпоха интенсивного развития художественной жизни, формирования многочисленных творческих объединений и обществ.

Киммерия – древнее название восточной части Крыма, происходит от древнейших племен, пришедших на эту землю. Киммерийская школа живописи как термин впервые встречается в трудах Максимилиана Волошина применительно к творчеству И. К. Айвазовского, заложившего фундамент в создании художественной школы Феодосии, и его последователей: А. И. Фесслера, Л. Ф. Лагорио, А. В. Ганзена [4, с. 37]. И все же наиболее полно это можно отнести к творчеству ярких и самобытных живописцев К. Ф. Богаевского, М. А. Волошина и М. П. Латри.